

83.3(0)6

А94

СА-389995

КАК

Очерки

о литературной политике

УБИТЬ

и литературе

ЛИТЕРАТУРУ

начала XXI века

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШКОЛЫ

КНИЖНЫЕ ПРЕМИИ

ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СОЮЗЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФЕСТИВАЛИ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

КАК

Очерки

о литературной политике

УБИТЬ

и литературе

ЛИТЕРАТУРУ

начала XXI века

ca-389995

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА

2021

Содержание

I

- 13 Требуется негр
17 Классики и(ли) современники
25 Война и мир
30 О рейтингах и «борьбе за потребителя»
39 «На повороте заплакал трамвай...»
44 Литература при минус тридцати
49 Союз разрушимый
56 Производственный роман
62 Я б в писатели пошел...

II

- 69 Зачем нужна «литературная политика»?
97 Большой Букеровский Бестселлер
120 В поисках героя утраченного времени
143 Свободная форма

III

- 167 Литература «бородатая» и «безбородая»
171 Как убить литературу
181 «Ура! Мы побеждены!..»
188 О поздних дебютах и конце света
197 Букеровская пауза
201 Средневековые глобализации
207 Безвременье цикад
212 После «Ариона»
217 О фестивалях и библиотеках

IV

- 225 Читать стихи, писать стихи
240 Профессия — поэт?
268 Кому нужна современная поэзия

V

283	Полиэтиленовая литература
288	Детцы и óти
293	Завершая круг
299	Время селфи
305	Изгнание из книжного рая
312	Немного о социологии чтения
320	Дивный новый канон
325	Безымянная поэзия
331	Просто такой постмодернизм
339	Указатель имен

Требуется негр

В позапрошлом году мне пришлось прочесть где-то около девяноста романов. Современных, русских, серьезных. С разной степенью погружения: что-то просто продиагоналил, что-то — от корки до корки. И в какой-то момент, пытаясь всё это как-то обдумать и переварить, задумался относительно этнического состава действующих лиц. Просто ради интереса. Русские, это понятно. Изредка — украинцы (от русских фактически неотличимые). Евреи. Вот и весь улов.

Плохо это или нет — другой разговор. Для самой литературы, думаю, ничего хорошего в этом нет. Это означает, что она продолжает жить в стеклянной банке. Достаточно приехать в любой крупный российский город и пройтись по улицам: не заметить этнического разнообразия просто невозможно. Хорошо это или не очень (и для кого) — выношу за скобки.

Но это — реальность.

Авторы абсолютного большинства романов, кстати, — жители городов. Больших и очень больших. Но ощущение такое, что живут они в таинственном мононациональном государстве, каковым Россия не была даже во времена Алексея Михайловича Тишайшего. Современный романист, перевоплощаясь в главного героя (или нескольких), может — вообразяемо — изменить пол, эпоху и местожительство. Но чтобы сделать пусть не главным, но одним из главных героев татарина, или бурята, или осетина... Я уже не говорю о народах бывших союзных республик, которые почти во всех городах постоянно или почти постоянно живут, работают, учатся, торгуют, гастарбайтят.

Разумеется, о татарах могут писать сами татары, о бурятах — буряты и так далее. И пишут. Не так много, но где-то раз в два-три года что-то печатается. Изредка — привлекает к себе внимание и за пределами литературных кругов. «Салам тебе, Далгат!» Алисы Ганиевой (2009). «Шалинский рейд» Германа Садулаева (2010). «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной (2015).

Речь не об этом. Речь — об интересе к этническому другому. Когда писатель вылезает из собственной этнической шкуры и пытается влезть в чужую — или хотя бы примерить ее на себя. Ощутить себя «хоть негром преклонных годов» (немцем, казахом, армянином...).

В русской классике, кстати, особой сложности с этим не было. Разнообразна этническая гамма у Пушкина: украинцы, горцы, немцы, цыгане, западные славяне, испанцы... У Лермонтова, у Толстого. Да и в советское время русские довольно охотно писали про не-русских. Особенно в двадцатые-тридцатые годы. Платонов, Вс. Иванов, Фадеев... Потом меньше, это уже стало жестче фильтроваться, становилось более казенным. Как это точно описала Дина Рубина в повести «Камера наезжает!», «надо подумать, как верно расставить национальные акценты...»

Теперь «верно расставлять национальные акценты» авторов никто не заставляет: пиши про кого хочешь и как хочешь. Вся этническая палитра пред тобой — на улице, в транспорте, в подъезде.

Почти не пишут. Почему?

В 2003 году Наталья Игрунова задала аналогичный вопрос в беседе с Борисом Дубиним:

Что касается опыта переживания распада империи — вспоминаются только два писателя, у кого это вылилось в серьезный разговор: Андрей Волос («Хуррамабад») и Афанасий Мамедов с его бакинским циклом. Как вы думаете, почему? Нет интереса в обществе к тому, что происходит за пределами нынешней

России? Рост «закрытости», сосредоточенности на себе, отгороженности? Травматический опыт? Незнание материала? («Дружба народов». 2003. № 1).

Да, отчасти всё названное. И отсутствие интереса, и слабое знание материала. И всё же — опыт распада империи за последние лет десять как-то осмыслен. Сегодня вопрос стоит уже не о том, «что происходит за пределами нынешней России», а о том, что происходит в ней самой. Андрей Волос прекрасно написал о таджиках в Таджикистане, Мамедов — об азербайджанцах в Баку... А написать о таджике, азербайджанце или киргизе, живущем в российском городе? И не обязательно гастарбайтере.

Хотя — почему бы и не о гастарбайтере?

В середине 80-х Гюнтер Вальраф целый год прожил под маской турецкого черноработого и написал книгу, ставшую бестселлером. Пусть Вальраф — журналист, а не романист; и никто не ожидает от российских инженеров человеческих душ, что они, натянув черный парик, пойдут в народ, да еще и неместный. Но само отсутствие интереса к изображению этнического *другого* показательно.

Сошлюсь еще на одну «дружбинскую» беседу (2005. № 4).

Я уже давно мучаю своих друзей предложением вспомнить героев русской, а еще лучше — советской литературы, положительных, главных героев, которые были бы нерусского происхождения. Много мы их вспомним? [...] Конечно, литовцы пишут о литовцах, Анатолий Ким — о корейцах, Айтматов — о своих, Искандер — о своих... Всё нормально. Понятно, в каких это границах. А у русских авторов можно кого-то найти? У известных русских писателей? (Борис Дубин)

За прошедшие десять лет ситуация фактически не изменилась. Отдельные, точечные случаи. «Асан» Маканина. «Перс» Иличевского. Что еще?

Война и мир

... Si vous ne me dites pas
que nous avons la guerre...

Вот перевод: «...Если вы мне не скажете, что у нас война...»

И — несколькими строчками ниже: «Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер...»

Войны еще, собственно, никакой не было. Но состав воздуха изменился. Направление мыслей, темы разговоров. *Nous avons la guerre.*

Сегодня война снова оказывается темой номер раз.

Сигналы идут с обеих сторон. В феврале по Би-би-си показывают документальный фильм «Третья мировая война: в командном пункте». В мае выходит — и тут же становится бестселлером — книга «Война 2017 года с Россией» («2017 War with Russia»). Автор — британский генерал Ричард Ширрефф, экс-заместитель Верховного главнокомандующего ОВС НАТО.

Книга относится к разряду худлита: вымышленные ситуации, вымышленные персонажи. Но мессидж вполне реальный — Запад должен готовиться к войне с Россией.

Со времени романа другого генерала, Джона Хэкетта, «Третья мировая война: август 1985 года», вышедшего в самый пик холодной войны (1982), подобных опусов не припомню.

Тема войны проникает и в российские толстые журналы (в газетах и телящике она уже давно как дома).

В первом номере «Неприкосновенного запаса» публикуется статья Алексея Левинсона «Годится любая война», основанная на данных соцпросов «Левада-центра».

Российское массовое сознание за многие десятилетия никогда так сильно не боялось войны и так далеко не заходило, самозавбенно играя в нее.

Зачем нужна «литературная политика»?

Политика и литература. Вопрос запутанный, отношения между ними проблематичны, трудноуловимы, неопределенны. Но именно эти сложности делают эту проблему такой притягательной и заслуживающей внимания.

Георг Лукач

Года три назад я предложил эту тему в один серьезный журнал.

Предложение выслушали, но выразили сомнение, что литературная политика сегодня вообще существует. Вот в 1970-е, действительно, была литературная политика. (Последовало несколько убедительных примеров.) А сегодня?..

Я ответил, что сегодня литературная политика, естественно, не столь декларируема и поддержана административным ресурсом. Но это не значит, что ее нет. Политика не обязана существовать только в «твердом» состоянии. Она бывает и в «жидком», и даже в «газообразном». Описывать «газообразную» политику тяжелее: объект описания трудноуловим. Но тем он интереснее.

Объяснить это внятно я, судя по всему, не смог. Темой не заинтересовались.

Прошло три года.

Ситуация яснее не стала. И, как я попытаюсь показать дальше, эта неясность, непроявленность как раз является

Литература «бородатая» и «безбородая»

Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу.

Так — в русском переводе — писал Пушкин в своем известном письме Чаадаеву 19 октября 1836 года.

«*C'est qu'il est barbu; voila tout.* — Оно носит бороду, вот и всё».

Борода, как известно, — не просто волосяной покров на лице взрослого мужчины. Окладистая борода — знак, символ причастности.

Советская литература была безрелигиозной и безбородой. Первым окладистую бороду отпустил Солженицын — что как раз совпало с его религиозным поворотом. Следом обросли бородами писатели-«деревенщики»: Белов, Можжев, Крупин...

Дело, разумеется, не в самой бороде и ее фасоне.

Дело, как уже сказано, в двух разных русских литературах — «бородатой» и «безбородой». И в двух разных читательских аудиториях, разделившихся столетия два назад.

В одной читали Четьи-Минеи, в другой — Ричардсона и госпожу Жанлис. В одной покупали издания книгопродавца Игнатия Тузова, одобренные Святейшим синодом, в другой следили за новинками Пирожкова и Перцова, печатавших «декадентов». Даже у одних и тех же классиков «бородатые» и «безбородые» читали разное. Одни — «Гавриилиаду», другие — «Отцов пустынников...»; одни — «Ре-

Читать стихи, писать стихи

В четвертом номере «Ариона» за 2015 год завершилась моя критическая мини-сага «Поэзия действительности». Десять очерков, касавшихся разных предметов: «новой урбанистики», современной рифмы, поэзии в Интернете, поэтической темы...

Если объединить их общим вопросом, на который они так или иначе отвечали, то вопрос этот: *откуда происходят стихи?* Не анализ самого процесса творчества, а попытка разобраться в массиве современной поэзии, ее связи с действительностью.

Предлагаю теперь сменить фокус и попытаться ответить на другой — хотя и смежный — вопрос: *откуда берутся поэты?*

Как и при каких условиях из любителя стихов возникает их автор? А из подражателя (первые — а порой и вторые, третьи — поэтические опыты всегда подражательны) — настоящий поэт?

Литературная критика занимается, как правило, уже более-менее состоявшимися авторами. Либо еще не состоявшимися, но — «подающими надежды».

Вся цепочка — от не-поэта к поэту, от не-литератора к литератору — критику не занимает.

Впрочем, два столетия назад это был один из дискутируемых вопросов. Ему посвятил отдельное, десятое, письмо из своих «Писем из Москвы в Нижний Новгород» (1814) Иван Муравьев-Апостол. А Иван Мартынов (один из отцов-основателей Царскосельского лицея) 5 февраля 1822 года выступил в Академии наук с целой речью «Рассуждения о качествах, писателю потребных». Изложил программу, по кото-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28